

Независимая газета. — 1998. — 2 сент. — с. 7. КНУТОМ ДЛЯ НАУКИ БЫЛИ ВОЙНЫ

«Я лично убежден в торжестве разума», — говорит писатель Александр Казанцев

Геннадий Красников

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, как признанный мэтр отечественной фантастики, объясните: что же такое фантастика — вымысел, пророчество, предостережение, гипотеза?

— Существует водораздел, по одну сторону которого просто фантастика, по другую — научная фантастика. В «просто фантастике» работали величайшие наши писатели — и Гоголь, и Пушкин, и Достоевский, даже Толстой. Из зарубежных — Свифт с его Гулливером, Вольтер и многие-многие другие. Им ради художественной задачи приходилось делать невероятное допущение, вроде Гулливера и думающих лошадей у Свифта. Что сейчас мы помним о Свифте? Мы помним гиганта среди лилипутов, мы помним, что лилипуты ведут, как и у нас на Земле, бессмысленные войны или решают, с какого конца разбивать яйцо.

Научная фантастика говорит о том, что может быть, что должно быть, а может, и будет. Я, как и мой покойный друг, знаменитый ученый и писатель Иван Ефремов, принадлежу к направлению научной фантастики. Но должна ли она быть пророческой? Необязательно. У нас есть наука футурология, которая рассматривает будущее. Возможны предвидения — технические, которыми насыщены произведения Жюль Верна. Необязательно быть Нострадамусом, для того чтобы предсказывать те события, которые произойдут через сотни лет.

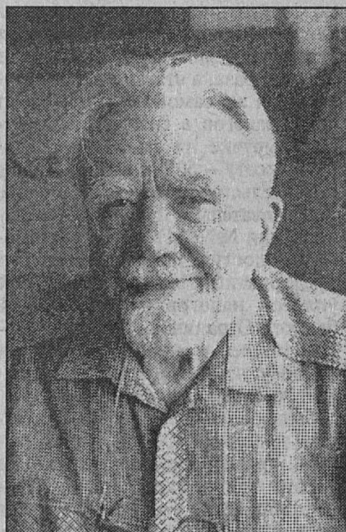
Я как раз сейчас работал над вторым томом книги о событиях, которые предсказал Нострадамус. Предвидение же — не пророчество, потому что полет на Луну осуществлялся не так, как его описал Жюль Верн. Хотя значение его книг грандиозно: ученые признавались, что они встали на путь поиска благодаря его книгам.

Но есть и фантазмагория, которая существует сама для себя. Ее цель — развлекательность. Выдумать что-нибудь невероятное, вроде гигантской обезьяны, которая ломает нью-йоркские небоскребы. Хотя в фантазмагорических «персонажах» есть глубокий смысл. Эти чудовища родились в результате радиоактивности, атомного взрыва.

— Однако же вы пишете: «Торжество разума неизбежно на Земле». Откуда этот оптимизм? Скорее, сегодня остается более актуальным «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского, который так много в наше время, что разум никому не нужен, он побиваем камнями, его никто не слышит.

— Я лично убежден в торжестве разума. Вот, скажем, Нострадамус говорит, что конец света наступит в 5797 году, но это не будет концом мира. Просто человечество пройдет через Апокалипсис, который он описывает в своих катренах, — падение комет, второй всемирный потоп, после которого на месте современной России, к примеру, будет Русское море. То есть человечество должно улучшиться через испытания. Я в своей повести «Ступени Нострадамуса» пишу, что таким путем прошел предше-

известному русскому писателю-фантасту, академику Международной академии информатизации Александру Петровичу Казанцеву сегодня исполняется 92 года. Он написал романы и повести «Льды возвращаются», «Купол надежды», «Арктический мост», «Дар Каиссы», «Завещание Нильса Бора», «Фаэты», «Планета бурь», «Гость из космоса», «Озарения Нострадамуса». За свою жизнь Александр Казанцев встречался с Альбертом Эйнштейном, Нильсом Бором, Лео Сциллардом, Юрием Гагариным, Александром Несмеяновым, Абрамом Иоффе, Ильей Герловиным, Станиславом Лемом, Иваном Ефремовым.

Александр Казанцев.
Фото ИТАР-ТАСС

ствующий нам мир параллельный, в другом измерении, и Нострадамус чувствовал, что происходившее когда-то может повториться. А я считаю, что может и не повториться, если мы поумнеем. Губим-то мы себя сами! У нас энергетика построена на сжигании топлива, и вся углекислота уходит в верхние слои атмосферы, создается парниковый эффект, задерживаются тепловые лучи, излучаемые Землей в космос. Это грозит перегревом планеты и поднятием вод океана на семьдесят метров. Естественно, что это чревато затоплением всех индустриально развитых стран. Но все-таки можно избежать всех этих страшных предсказаний Нострадамуса, если сейчас охотиться и перевести всю энергетику на «бесплатную», с использованием волн океана, к примеру. Ведь это та же солнечная энергия, которая через ветер передается волнам.

— Так кто же был на самом деле Нострадамус — ясновидец, прорицатель, реалист?

— Просто его дар, существующий в каждом человеке, был развит необычайно. Я спрашиваю у всех, кто побывал в моем доме, были ли у них в жизни случаи, когда они предвидели какое-то событие? Вот у вас, например?

— Много раз...

— В моем представлении — существуют параллельные миры, которые оставляют след в слоях времени, и идущая следом волна жизни как программу использует проложенную колею и повторяет то, что было. Нострадамус видел, что было когда-то в другом мире.

— Но почему вы, оптимист по характеру, пишете о таком мрачном пессимисте, как Нострадамус?

— Он говорит, что человечество может стать другим, пройдя через катаклизмы, а я говорю, что оно может обойти их.

— Век XVIII считается веком Просвещения, о XIX поэты писали: «Век шествует путем своим железным», а как бы вы определили век двадцатый, который вами прожит, можно сказать, от начала до конца?

— В «Озарениях Нострадамуса» я называю его «веком достижений и преступлений». Атом, автомобиль, электричество, радио и телевидение, компьютеры — все это является достижением технической цивилизации и преступлением одновременно. Все войны были кнутом для научнотехнической мысли и подгоняли ее ради военных целей.

— А каким будет двадцать первый век?

— Он будет продолжением века двадцатого. Но вот что будет делать будущая наука, то, уверен, что достижения науки будущего — это познание человеком самого себя.

— В одной из ваших книг есть такой иронический эпиграф: «Не в долларах счастье, а в миллионе долларов». Сегодня вряд ли это стало бы восприниматься как некий сарказм, скорее это уже трезвый расчет, цель жизни...

— Я был в Америке и видел, что для них основное — счет в банке, и по нему судят о человеке. Впрочем, есть там и те, кто любит классическую музыку, живопись. Но все-таки именно оттуда идут все эти примитивы, которыми сегодня увлечена наша молодежь...

— Один из ваших героев говорит: «В жизни хорошо идти с закрытыми глазами, чтобы не видеть, что впереди»...

— Вы думаете, случайно сейчас в моде черные очки? Молодежь хочет видеть все в своем цвете...

— А может быть, так они пытаются спрятаться от этого безумного мира?

— Да, и это есть: уйти от реальности — не интересуясь, не пытаясь понять, осмыслить ее...

— Вы писали свои книги, когда уже вышли «антиутопии»: «Мы» Евгения Замятина, «1984» Оруэлла, «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море» Андрея Платонова. В каком-то смысле ваши книги были утопии, так как защищали коммунистическую идею...

— У нас сейчас коммунизм ругательное слово, а ведь оно обозначает строй справедливого общества. И коммунизм — это вовсе не те семьдесят лет, которые пережили мы после Октябрьской революции. Я жил и до нее, и после... А этими светлыми идеями прикрывались негодяи, которые врывались к власти. Почему так легко они перекрашиваются и становятся своими антиподами? По той простой причине, что у них нет за душой этих идеалов... Вот Хрущев обещал коммунизм, но я даже при моем долголетии не смог дождаться его...